

На этом фоне признанные классики циклизма — Освальд Шпенглер и Арнольд Джозеф Тойнби — выделяются скорее большей известностью, чем принципиальной новизной. Тем не менее именно их труды вошли в «золотой фонд» мировой философии, и именно им удалось разработать циклические теории в наиболее чистом виде. Возможно, это было связано с тем, что они были лишены мессианских надежд славянофилов и их духовных наследников. Подробно пересказывать суть учений О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби нет смысла: их работы доступны широкой публике и не раз служили темой для обсуждения. Однако следует сопоставить их с учением Л. Н. Гумилёва: быть может, некоторые его опасные черты связаны именно с циклическими теориями? Да и вообще, насколько научен сам циклизм, не является ли он ещё одним историческим мифом?

II.6. Концы в воду, или Пенорождённые цивилизации

Был, говорит он, в древности народ, головоотяпами именуемый, и жил он далеко на севере, там, где греческие и римские историки и географы предполагали существование Гиперборейского моря.

*М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города
(О корени происхождения глуповцев)*

II.6.1. Атлантология

*И хотя я скажу себе тихо:
«Не бывало её никогда»,
Если спросят: «Была Атлантида?» —
Я отвечу уверенно: «Да!»
Пусть поверят историям этим,
Атлантида — ведь дело не в ней...
Разве сказки нужны только детям?
Сказки взрослым гораздо нужней!*

А. М. Городницкий. Атлантида

Нельзя не упомянуть о популярной в определённых кругах «гиперборейской» теории. Она настолько близко касается нашей темы, что заслуживает пристального внимания. Эта теория — один из вариантов атлантологии.

Что такое атлантология? Суть её в допущении, что либо всё культурное человечество, либо, по меньшей мере, его наиболее «духовная» ветвь (к которой приверженцы этой идеи относят, конечно же, свой собственный народ) — прямые потомки представителей некоей высшей цивилизации, неизвестной науке. Поэтому о ней можно утверждать всё, что угодно. Не в смысле: *что попало*, — а именно в смысле: *что НАМ угодно*. Ах, об этом нет никаких доказуемых сведений? Не страшно: концы — в воду. То есть — буквально: цивилизация эта происходит с затонувшего

валась в фазы этногенеза Л. Н. Гумилёва, «степной цикл» которого я в то время не просто читал запоем, но и полностью проконспектировал. Более того, история современной КНР укладывалась в первую и начало второй фазы тех же циклов. О Шпенглере в то время мне было негде прочесть. На XIX научную конференцию «Общество и государство в Китае» я приехал с настроением первооткрывателя.

Спасибо добрым людям: Л. С. Васильеву, позволившему вынести эти незрелые идеи на публичное обсуждение, и А. А. Бокшанину, не просто вовремя охладившему мой пыл, но и не пожалевшему целого часа своего ценнейшего времени, чтобы подробно объяснить начинающему автору недостатки его работы. Трудно представить, что бы со мной было дальше, если бы не этот своевременно данный урок.

континента, о котором впервые рассказал Платон в диалогах «*Тимей*» и «*Критий*». При этом Платона, возможно, не следует понимать буквально. Ищите эту страну... по всему дну Мирового океана!

Вплоть до середины XX века такая находка казалась невероятной. Крупный советский геолог и писатель-утопист И. А. Ефремов вспоминал:

«Ещё будучи совсем молодым учёным, я поставил вопрос о необходимости исследования дна океанов. Написал об этом статью и послал в “*Geologische Rundschau*” [«Геологическое обозрение»]. В то время это был солидный научный журнал. И через некоторое время получил ответ, подписанный известным тогда специалистом по морской геологии Отто Пратье. Он писал, что “статья господина Ефремова абсолютно фантастична. Никаких минералов со дна добыть нельзя. Дно океана не имеет рельефа. Оно совершенно плоское и покрыто тостым слоем осадков”. Так меня, мальчишку, он “уничтожил”. Статья не была опубликована. А теперь мы знаем, что на дне есть и хребты, и ущелья, и открытые выходы пород» (Ефремов 1982: 324).

Итак, с точки зрения О. Пратье и его современников, выходило бы так: если Атлантида — на дне, то найти её невозможно. Успехи подводной геологии сделали дно океанов познаваемым. Но, увы, атлантологам это не принесло ничего, кроме блуждающего огонька несбыточной надежды. Крупный советский геолог Н. Ф. Жиров потратил много лет на поиски Атлантиды в районе Азорских островов — или хотя бы на доказательство, что она *могла* там быть и когда-нибудь будет найдена. Эффект был нулевым. Напротив, было доказано, что за 12 тысяч лет (а Н. Ф. Жиров принимал сведения Платона буквально) суша в районе Срединного Атлантического хребта не могла успеть опуститься и на десятую часть нынешней глубины. С тех пор, правда, Атлантиду «находили» в десятках других мест — от Северного полюса до острова Пасхи.

А. М. Городницкий (1993: 338—355), доктор геолого-минералогических наук и один из знаменитейших бардов, вспоминает о геологических работах на судне «Витязь» в 1981 и 1984 гг., в которых он участвовал. Тогда с помощью современной техники была обследована подводная гора Ампер (в 300 милях к западу от Гибралтара), где на глубине 100 м было обнаружено нечто похожее на руины. Участники экспедиции были энтузиастами Атлантиды, но прежде всего — учёными. И им пришлось подавить свой энтузиазм, когда факты показали, что «стены» на горе Ампер — естественное образование. Хотя сам А. М. Городницкий остался сторонником Атлантиды, которой посвятил целую главу своих воспоминаний... и песню (Городницкий 1993: 300—359, 532). Но не такие люди объявляют себя профессиональными «атлантологами».

В рамках данной работы мы не можем решать вопросы океанологии. Однако закономерен другой вопрос: а что и зачем, собственно, рассчитывают найти атлантологи? Романтический миф? Но что же, скажите, романтического в картине гибели целого континента с миллионами жителей — до последнего человека, включая женщин и детей? Причём гибели внезапной — «в один день и в бедственную ночь» (Платон, *Тимей* 25d)! Ведь это жестоко, в конце концов, — мечтать, чтобы так оно и было!

Здесь возможны разные варианты ответа. Один — религиозно-нравоучительный: спасутся лишь немногие праведные, остальные обречены погибели. Это — мораль в духе ещё ветхозаветного пророка Амоса: народ расплатится за гре-

хи своих князей и лжепророков, хотя бы сам в них и не участвовал. Избежать гибели можно лишь личными нравственными усилиями. Именно так решает проблему Атлантиды Дж. Р. Р. Толкиен (о котором, впрочем, поговорим отдельно). Причём на родине у него был предшественник — Э. Булвер-Литтон с его «*Последним днём Помпеи*», в котором спасаются только христиане, язычники же становятся жертвами извержения. Впрочем, такого рода «страшилки» мало убеждают современного обывателя.

Другой вариант — Атлантида как исторический триллер, как «фильм-катастрофа». Такое зрелище может даже успокаивать: приятно после этого оглядеться вокруг себя и убедиться, как на самом деле прочен наш мир, ему-то такое не грозит! Возможно, в этом — один из психологических корней современного катастрофизма.

Не менее возможно, конечно, что свою роль играет креационизм. Ж. Кювье готов был скорее объявить ископаемых животных жертвами всемирного потопа (а следовательно, современную природу — более бедной, чем первозданную), чем допустить идею эволюции. О. И. Сенковский (1986 {1833}: 11) даже приписал ему фразу: «Итак, я доказал, что люди, жившие до потопа, были гораздо умнее нынешних; как жаль, что они потонули!» Но ведь и до Кювье, и после него существовала масса креационистских теорий, объяснявших природу без помощи катастрофизма.

Однако идея Атлантиды имеет ещё одну сторону. Если когда-то, когда всё остальное человечество ещё прозябало в невежестве, существовала утопическая страна, — тем самым гарантировано, что этот рай земной может повториться. Более того — известно, каким он должен быть. Более того — народ, которому удастся доказать своё происхождение от атлантов, может рассчитывать на мессианскую роль. В такой картине моральный урок Платона (у которого Атлантида гибнет за то, что её жители утратили духовную высоту) необязателен и может быть опущен: гибель Атлантиды оказывается случайностью, хотя в принципе поправимой. Однако получившаяся картина страдает массой недостатков.

Во-первых, её нельзя принять в науке даже как гипотезу. Ведь один из главных признаков гипотезы — способность давать ответ на какую-либо научную проблему. Но в истории нет проблемы, которой нельзя было бы решить без помощи предположения об Атлантиде. Научная картина прошлого прекрасно строится и на имеющейся основе.

Среди серьёзных историков атлантологов нет. И вовсе не потому, что «официальная наука» якобы не любит признавать нетривиальные идеи. Её история говорит как раз об обратном. Э. Резерфорд, явно поминая идеи Ч. Ломброзо, любил спрашивать своих ассистентов: «Достаточно ли безумна Ваша идея, чтобы быть гениальной?» Но серьёзный учёный знает: поиск истины куда увлекательнее, чем фантазия, а толку от него — куда больше. Никто из тех, кто хоть раз держал в руках подлинный черепок античной амфоры или читал подлинную летопись, не поддастся чарам псевдоисторической фантастики до такой степени, какой требует атлантология.

Во-вторых, наука ищет *объективную* истину — то есть не зависящую от авторских пристрастий: национальных, партийных, гендерных или каких иных. Между тем Атлантиду каждый автор находит поближе к своим краям. Так, немецкие и российские писатели размещают её в северных морях (об этом разговор впереди), в то время как авторы из стран крайнего запада Европы и Средиземноморья

довольствуются её расположением по Платону (что на практике обычно означает район Азорских или Канарских островов), а то и ещё ближе. Греческие археологи А. Г. Галанопулос и С. Маринатос ещё в 1930-е годы отождествили Атлантиду с островом Тира (Санторин) в Эгейском море, а её культуру — с критской цивилизацией, погибшей в результате извержения вулкана на этом острове около 1450 г. до н. э. (изложение их концепции с обновлёнными данными см.: Резанов 1975). Ещё до них — хотя чисто предположительно — мысль о расположении Атлантиды в Эгейском море высказывали русские академики А. С. Норов (1795—1869) и Л. С. Берг (1876—1950; см.: Резанов 1975: 107—110). Правда, современные археологические данные не подтверждают эту гипотезу, какой бы стройной она ни казалась. С 1980 г. она была оставлена. В середине 1990-х годов на Санторинском конгрессе «специалисты по эгейской археологии пришли к согласию по двум констатациям: а) что ужасный взрыв вулкана произошёл в конце XVII в. до н. э. (примерно в 1600—1620 гг. до Р. Х. по так называемой “верхней датировке”); б) что разрушение “новых дворцов” Крита (кроме Кносса) в середине XV в. (около 1450 г. до н. э.) имело другую причину» (Vassilakis 2001: 148—149). В некоторых местах — например, в Миртос Пиргу, — сгорели только дворцы, в то время как сельские постройки спокойно пережили катастрофу (ibid.). Однако фанатики идеи с самого начала, ещё не имея на руках этих сведений, твердили: Санторин — «это что угодно, но только не Атлантида Платона!» И это при том, что, по словам И. А. Резанова (1975: 128), критская культура оказалась «прекраснее, совершеннее, тоньше, чем могли мы думать, прочитав диалоги Платона».

Вообще, создаётся впечатление, что если бы Атлантида когда-нибудь была обнаружена, какой бы романтической она ни оказалась, для атлантологов она тут же утратила бы интерес. Ведь им нужно только «Царство <...> не от мира сего» (Иоан.18:36), причём моральный урок их «царства» ни по богатству открывающейся в нём картины, ни по гуманистической направленности даже не сопоставим с евангельским Царством.

В-третьих, даже как миф вера атлантологов безнадежна (церковник сказал бы — «безблагодатна»). История в ней предстаёт как вечное повторение чего-то одного и того же, без смысла и цели, нечто вроде «дурной бесконечности» по Гегелю. По сравнению с этим у эволюционизма есть хотя бы одно преимущество (не говоря уж о большем, но менее очевидном): в нём есть надежда, что «завтра будет лучше, чем вчера».

В-четвёртых, версия об Атлантиде современных атлантологов противоречит собственным первоисточникам — диалогам Платона, в которых Пра-Афины — *современники*, а не преемники Атлантиды. Да и египетские свидетели — жрецы, сохранившие «историю» войны Атлантиды с Афинами, предки тех, кто пересказывал эту историю Солону, — не атланты и ни словом не упоминают о своей преемственности с культурой атлантов. Стало быть, даже если принимать слова Платона на веру буквально, Атлантида у него — не *прародина* мировой цивилизации, а *одна из нескольких цивилизаций*.

К тому же мало кто из атлантологов довольствуется конкретными данными, которые всё же сообщает Платон. Возьмём, например, размеры острова. В «*Тимее*» (24c-d) Платон утверждает, что он был «больше Ливии и Азии, вместе взятых», но в «*Критии*» приводит конкретные измерения. Плодородная часть Атлантиды —

равнина в виде идеального прямоугольника размером 3×2 тысячи стадиев, вытянутого по широте. Примем стадий за 192 м, хотя длина его в разное время и в разных частях Греции могла не совпадать; к тому же Солон упоминает о двойном переводе легенды — с языка атлантов на египетский, а с него на греческий (Критий 113а-b), что могло сопровождаться путаницей в мерах. Так, А. Г. Галанопулос считал, что Солон мог принять египетскую цифру «100» за «1000», преувеличив все размеры и сроки в 10 раз (Резанов 1975: 111). Но мы сейчас говорим не о прообразе Атлантиды, а о мифе, в который верил Платон. При указанной длине стадия площадь только равнины Атлантиды составит около 220 тыс. кв. км — примерно как Белоруссия или две Болгарии. При этом с юга на север равнина тянулась только до середины острова (Критий 113с), со всех сторон её окружали горы, которые «по множеству, величине и красоте превосходили все нынешние» (118b). Следовательно, весь остров был ещё в 2—3 раза больше, приближаясь по площади к современной Франции или Испании. Для эпохи Платона такой размер действительно колоссален, но для наших дней кажется довольно скромным.

Поэтому обычно атлантологи «поправляют» Платона и щедро расширяют остров действительно до размеров континента. У А. Н. Толстого в *«Аэлите»* Атлантида поначалу занимает всю Атлантику, и лишь в результате природных катастроф от неё откалывается, например, Америка. А у Ф. Бэкона, возродившего этот миф в Новое время, и вовсе читаем: «...великая Атлантида (именуемая у вас Америкой)» (Бэкон 1978: 496). Правда, эти авторы как раз не были атлантологами — не выдавали свои художественные тексты за научные исследования. И *«Новая Атлантида»* Ф. Бэкона — сочинение не научное, а утопическое, хотя и содержит продуманный проект создания Академии наук (во многом превосхитивший последующие академии).

Попутно обращает на себя внимание, что практически все авторы помещают Атлантиду либо на западе, либо на севере. Другие локализации либо крайне редки, либо это не Атлантида, а что-то, ей предшествующее (вроде Лемурии у Е. П. Блаватской). Почему? Только ли потому, что море омывает Европу именно с этих сторон? Но чем тогда хуже Средиземное море? Вполне возможно, что играет роль психологический фактор, заметный во многих мифологиях: западная сторона (у этрусков и ирландцев совпадавшая с северной) считалась благой стороной, где располагались блаженные земли (см. подробнее: Мосионжник 2005).